

Ольга Пустошинская

СОРОКА

Ведьмина заимка

Ольга Пустошинская
Сорока

«Автор»

2026

Пустошинская О.

Сорока / О. Пустошинская — «Автор», 2026 — (Ведьмина
заимка)

В нескольких вёрстах от села стоит заброшенная охотничья избушка, когда-то принадлежавшая богатому барину. В избушке поселяется женщина по имени Агафья. Сельчане сторонятся её, шепчутся, что она ведьма: гадают на картах и творит недобрые дела, а сами тайком бегают к ней за советом. Тяга к запретному приводит к Агафье четырнадцатилетнюю Клавдию. Она не догадывается, насколько большую цену ей придётся заплатить за желание.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сорока

Пролог

В лесу, в нескольких вёрстах от села, стояла возле озера одинокая охотничья избушка. Говорили, что построил её когда-то богатый помещик, страстный охотник. Пожалуй, не врал, потому что местные мужики таких изб не рубили. Домик был как с картинки, с жилым чердаком и круглым окошком под крышей. На коньке сидела деревянная резная утка с распластанными крыльями, будто живая. Рядом с избой ветшал не то сарай, не то хлев с оторванной дверью. Кое-кто из сельских мужиков заверял, что это псарня, глядите, мол, нары в два яруса – для собак. Бабы ахали: «Батюшки! Кобелям хоромы строят! Нешто им конуры не хватает?»

Прежде у озера видели старого барина с ружьём, в сопровождении дворового мужика и собаки. Гремели выстрелы, подбитые утки тяжело шлёпались в воду. Собака, такая умница, подплывала и приносила подранков хозяину.

Окрест всегда родилось много земляники и грибов, особенно рыжиков. Сельская ребятня с туюсками и глиняными кринками рассыпалась по лесу, обрывала ягоду, аукалась. Иные парнишки, наевшись до отвала земляники, бросали пустые туюски и во все лопатки бежали к озеру, купаться вволю и набрызгаться. Визг и шум тогда слышались даже в селе.

Диковинная избушка притягивала ребят. Внутри они попасть не могли: на двери висел большой чёрный замок. Его пробовали открыть или сбить – не получалось. Детвора умирала от любопытства. По счастью, в окнах было вставлено настоящее стекло, должно быть дорогое, выписанное помещиком из Питера, прозрачное, как первый ледок. Через него удавалось разглядеть печку, крепкую лестницу с перильцами, ведущую на чердак, длинную скамью со столом и свечной огарок на подоконнике.

Уже не видела детвора хозяина, не слышала лая собак и стрельбы из ружья по уткам. Состарился барин, позабыл про охоту. А может быть, даже умер в городе, куда отправлялся с холодами.

Летом избушку заливало дождями, зимой заносило снегом по самую крышу, и никто до неё не мог добраться. Какой-то злодей позарился на деревянную утку, снял и унёс её. Так и развалился бы дом без заботливой хозяйской руки, но неожиданно поселилась в нём пришлая баба по имени Агафья.

Никто не знал, купила она у наследников избу или заняла её самовольно. Так и стали звать – заимка. Любопытствовать не осмеливались: уж больно неприветливой казалась Агафья. Зыркнет глазищами, и всякая охота спрашивать пропадала, жутко делалось от её недоброго взгляда.

В село она выбиралась изредка. Придёт в лавку, купит крупу, соль – и тут же уходит к себе на заимку. Языком с бабами не молола, и те сразу затихали, когда замечали Агафью. Чудная бабёнка! Ни платок, ни волосник не носит, появляется на людях с непокрытой головой. Знать, ведьма! А волосы богатые у неё, не волосы – конская грива. Подбородок вверх задерёт, по сторонам не смотрит, ни с кем первой не здоровается.

Бабёнки, завидев друг друга у реки с корзинами белья, останавливались и перемывали Агафье косточки.

– Плотник крылечко ей ладил, бает, масло скоромное она в пост ела. Образов в избе нет, крестным знаменем себя не осеняет.

– Да и в церкву не ходит.

– Ой, бабёнки, что же будет? А ну как она мор на скотину нашлёт? То-то я вижу, моя Пеструха молока давать меньше стала.

– Не посмеет пакостить. А то ить красного петуха пустим.

Новая хозяйка обживала заимку. Наняла мужиков, и те переделали псарню в хлев, сгношили курятник, прохудившуюся крышу покрыли соломой. Печник по-новому переложил дымящую печь.

Стали поговаривать, что Агафья хорошо на картах гадает, всё-всё рассказывает и о прожитом, и о том, чего ещё не случилось, однако обязательно произойдёт. Бабы ругали ведьму на все корки, уверяли, что она с нечистой силой на короткой ноге, а сами тайком бежали на заимку, когда прижимало, крестясь дорогой и раскаянно шепча: «Господи, прости меня, грешницу!»

Глава 1

Сорока кружила над избой, присаживалась то на печную трубу, то на гребень крыши. Спорхнула во двор и зацепилась лапками за перевёрнутый вверх дном глиняный горшок на частоколе.

– Вот проклятушшая, сызнова прилетела! – намахнулась мать перепачканными в навозе вилами и добавила с горечью: – Ну всё, Кланька, убыток нам будет.

Кланька поставила наземь ведро с пойлом для коровы и заинтересовалась:

– Отчего убыток, мамань?

– А оттого, примета есть. Сулит убытки, ежели сорока на дворе сядет. Пшла, пшла, говорю!

Маманя не успокоилась, пока не прогнала птицу, и после всё вздыхала: «Экая тварь! Принесла нелёгкая...» Кланька же сороку считала красивой. Ишь ты, форсунья, будто в белом запоне¹ с нагрудником щеголяет.

– Она красивая, мамань.

– Не-ет, дьявольская птица, – покачала головой мать, – старухи бают – ведьмы в сорок оборачиваются. Верхняя половина тулова у них птицей летает, а нижняя, с ногами, в подполе под корытом лежит.

Кланька недоверчиво улыбнулась. Обернуться ведьме сорокой – это куда ни шло, всякие чудеса на белом свете случаются, но, чтобы ноги с мягким местом под корытом прятались – неправда, бабкины сказки. Не может ведьма пополам разделиться и живой остаться.

Мать заметила кого-то на улице, охнула и пробормотала:

– Ну вот, накаркала, ведьма ташшится. Токо помяни...

По изъезженной телегами дороге шла простоволосая баба. Жёлтый шёлковый платок сбился на затылок и открывал голову с толстой чёрной косой. Это была Агафья.

Она приостановилась, увидев во дворе мать и Кланьку, поздоровалась и сказала:

– Продай мне кринку сметаны, хозяйка. Коза у меня котная, молока не даёт.

Говорила тётка Агафья так, будто оказывала услугу своей просьбой. Глядите, мол, снизошла я, так и быть, куплю у вас сметану. Кланька смотрела на неё со страхом и восхищением. Экая баба, ни перед кем головы не гнёт. Гордая, видать, и богатая.

Лицо у матери сделалось каменным, только губы подрагивали.

– Слазь-ка, дочка, в погреб, возьми кринку на полочке, там увидишь, – деревянно произнесла она.

Кланька стремглав убежала. Спустилась в погреб, где стояла могильная тишина и свисали с углов тенёта, схватила тяжёленькую кринку и быстро вернулась во двор.

– Вот, мамань, держи.

Агафья расплатилась, взялась за калитку и всё же не ушла, отчего-то медлила, выжидала. Скользнула взглядом по Кланьке.

– Подсобница мне в хозяйстве требуется, коза скоро окотится. За скотиной надо ходить, в доме прибирать и стряпать. Я платить буду, не поскуплюсь.

Маманя тем же деревянным голосом ответила, что никак не может подсоблять, работы и по дому, и во дворе, в поле выше головы.

Агафья усмехнулась и посмотрела на Кланьку:

– А я не тебя, я дочку твою в работницы зову.

– Что ты, что ты! – замахала руками мамка. – Нельзя ей, она замуж скоро выходит!

¹ Запон – передник.

Кланька аж поперхнулась. «Замуж выходит!»! Да кто же её сосватал? Неужто Гришка Балакирев?

Когда Агафья ушла, обычно нешумливая мать забранилась.

– Вот ведьма, бесстыдница! Выдумала тоже – работницу ей! Никак ворожить наладилась, раскосмаченная ходит. Ой, не зря сорока прилетала, жди беды! – заблажила она и напустилась на Кланьку: – А ты чего уставилась на страмоту, пошто глаза не отвела?

– Я не глядела... Мамань, а правда замуж? Кто посватал? Если Гришка Балакирев, то я согласная.

– Тебя никто спрашивать не станет, согласная ты али нет. Как родители решат, так и будет, – уже тише, успокаиваясь, проговорила мать. – Для отвода глаз я сказала, погуляй в девках годок.

Кланька разочарованно вздохнула.

– Мамань, а на кой ты Агафье сметану продала?

– А как не продашь? Обидишь ведьму, а она корову-удойницу сглазит. Хорошо, что на заимке тётка Агафья живёт, а не здесь. Они, ведьмы, на отшибе селятся.

– Отчего, мамань?

– Людей не любят, и мы их тоже. Свадьбу, скажем, играют, гостей полсела назовут. А ведьму приглашать нельзя: жениха с невестой испортит. И не позвать нельзя: обидится, дорогу коням закроет, с места не тронутся... Выдернет у коня из хвоста три волоска, окаянную молитву зашепчет, кинет на три стороны – и жеребцы шагу не сделают. Ну, ступай в избу, приданое шей. Дылда вымахала выше меня ростом. Четырнадцать годов, замуж скоро выдавать, а у ней ни столешника, ни утирки.

Кланька неохотно зашла в дом. Всё у неё есть: и простыни, и столешники, затейливым узором вышитые, и утиральники. Обманывает мамка, отваживает от тётки Агафьи, потому как боится.

Она в раздражении пнула кошку: «Изъязвило б тебя!» – и присела у оконца вышивать полотенце. Подбежала меньшая сестрёнка Марфуша, разложила на лавке тряпичных куколок, залопотала:

– Давай поиграем, Кланя. Ты возьми вот эту куколку в красном сарафане, а я возьму в жёлтом.

– Недосуг мне, – отмахнулась та, – утиральник вышиваю, неужто не видишь?

У Марфуши на одной половине лица расплзлось багровое родимое пятно. Быть бы ей красавицей, если бы не эта отметина. С левой щеки смотреть – пригожая девчонка, гораздо милее своих старших сестёр: волосы льняные, мягкие – в мать, личико белое, точно у куклы с фарфоровой головой, Кланька такую видела на ярмарке. Ей-то и средней сестре Варе достались волосы отцовские, смоляные.

К четырём годам сестрёнка начала кое-чего соображать, пробовала мазать лицо разведённым мелом, которым мамка белила печку, спрашивала, почему у неё есть пятно, а у других нет.

Отец хмурился:

– Божья отметина, дочка. Боженька пометил тебя.

– А на что пометил?

– Богатой будешь и счастливой, – поспешно отвечала мамка, а сама украдкой вздыхала: – Такая пелесина, да ещё и у девки! Ладно бы у парня, парнишкам-то легче...

Она жалела и баловала младшую, до трёх лет кормила грудью. Старшим иной раз доставались подзатыльники под горячую руку, а Марфуше лишь грозили пальцем. Родители в ней души не чаяли, а Кланька смотрела на сестрёнку с брезгливостью, редко с ней играла; если мать просила присмотреть за малой, то сваливала это бремя на Варю:

– Я тебя нянькала, боле не хочу, теперь твой черёд.

Нашила бы Кланька приданого полнёхонький сундук, вышла бы замуж и нарожала детишек, жила бы как все бабы, если бы не мамкина глупая курица. Она не бродила спокойно по двору под приглядом петуха, как другие несušки, а всё время норовила удрать. Должно быть, мир по ту сторону забора казался ей интереснее. Однажды дурная птица выбралась на улицу и угодила под телегу. Распласталась на дороге, дёргала зобом и головой – издыхала.

Кланька опустила на корточки и смотрела на агонию курицы, наблюдала, как кровь заливает белые перья, как мутнеют глаза. Сбегать бы за топориком и прекратить страдания несušки, но Кланька всё никак не могла оторваться. Ей нравилось смотреть на кровь и драки. Собаки сцеплялись, или насакивали друг на друга петухи – она глаз не сводила с драчунов и была разочарована, если схватка быстро заканчивалась.

Кланька замерла возле истекающей кровью курицы, а когда опомнилась, то увидела рядом Агафью.

– Нравится глядеть? Тебе не жалко её? – спросила та низким, грудным голосом.

Кланька смутилась. Поднялась, отряхнула сарафан. Немотно рассматривала тёткину длинную юбку-понёву, нарядную рубаху и дутые стеклянные бусы в несколько витков. Толстая коса венчала голову. В руках Агафья держала порядочный узел с покупками, из лавки, верно, шла.

– Это же курица – не человек. Всё равно мамка на лапшу зарубит.

– Зарубить – одно, телегой переехать – другое.

– Сама виноватая, со двора ушла, – передёрнула плечами Кланька.

Агафья обласкала её взглядом.

– Знаешь, где я живу?

– Знаю, на заимке.

– Заходи когда-нито в гости, бубликами тебя угощу.

Сердце у Кланьки скакнуло. Чем же заслужила такая девка, как она, это приглашение? Нет ли здесь какого лукавства? И покачала головой:

– Мамка не позволяет.

– Дак ты ей не открывайся. Скажешь мамаше, что по грибы пойдёшь, а сама ко мне на заимку.

Кланька сомневалась, теребила косу с белой косоплёткой.

– Приходи, на картах тебе погадаю. Судьбу-то хочешь узнать?

Кто же из девок не хотел узнать судьбу?

– Хочу.

– Ино²прибегай.

Агафья зажала под мышкой узел, подобрала свободной рукой подол юбки и, обогнув грязь, пошла по улице.

Кланьку тянуло на заимку. Не носом стёкла протирать, а зайти в дом желанной гостьей, сесть с хозяйкой за стол, попить чаю с баранками. И судьбу девичью тоже страсть как узнать хотелось. Должно быть, у Агафьи по стенам связи змей висят, за хвостики верёвочкой прихваченные, лягушки сушёные, грибы-поганки и мухоморы всякие. Она, поди, зелье варит. На что ей Кланька понадобилась? Ничего в ней приметного нет. Вымахала только с версту коломенскую, как в пору девичью вошла, грудь соками налилась.

Не давали покоя Агафьины слова: «Заходи когда-нито в гости», и Кланька вздёрнула подбородок:

² Ино – тогда.

– А что, и зайду. Никто, небось, не прознает.

Вечером ей здорово влетело от матери. И за то, что проглядела курицу, и за то, что разговаривала при всём честном народе с ведьмой. Знать, кто-то из соседок увидел и не смолчал, доложил.

– О чём она тебя пыталась?! – кричала мать. – Опять в подсобницы звала?

Кланька оробела.

– Она сказала, что курице надоть голову отрубить.

– И всё?

– И всё.

– Смотри же! – погрозила пальцем мать. – С ведьмой ни словечка боле. Как увидишь, что идёт по улице, – сворачивай в сторону. Ежели кликать будет, так скажи: маманя, дескать, не велит с тобой разговаривать.

Видно, чувствовала она, сердце ей нащёптывало, что от Агафьи надо дочек беречь. Кланька охотно пообещала бежать от ведьмы без оглядки, если встретит её хоть на улице, хоть в лесу, и попросила, осмелев:

– А по грибы позволишь в воскресенье пойти, мамань? Дедко Евсей кузовок подберёзовиков надысь принёс.

Мать по обыкновению поворчала, но в лес отпустила, потому что грибы – это не баловство, а хорошее подспорье. Она и солит их на зиму в бочонках, и сушит, и к обеду на стол полную сковородку жарева ставит.

– С подружками пойдёшь?

Нет бы Кланьке сказать, что да, мол, с подружками, а она, глупая, брякнула:

– Не люблю с подружками. Оне все мои грибы оберут.

– Удумала – одна! Так и заплутать недолго. Варю с собой возьми, вдвоём-то сподручнее.

Кланька согласилась: от тихой и глуповатой Вари отделаться будет просто, но, на беду, про сборы услышала Марфуша и подняла страшный рёв:

– И я хочу-у по грибы-ы! Мамань, и я хочу!

Мамка сперва отказала, даже прикрикнула, да слёзы младшенькой, по обыкновению, её сломили.

Кланька покраснела от досады. С двумя сёстрами никакой свободы, никакого простора, будут хвостом за ней ходить и помешают задумке. Она вскочила, бросила на пол приготовленное было лукошко. Характером-то Кланька тоже в батю уродилась, такая же запальчивая.

– Тогда я вовсе не пойду! Марфуша устанет, зачнёт хныкать, а я её на руках тащи?

– А вы далеко не ходите. Подберёзовики, небось, и в роще растут, а на увале земляники богато, – увещевала мать.

Кланька упёрлась. Подвыпивший отец, которому надоели рёв и споры, стукнул кулаком по столу.

– Сказано тебе: бери сестёр, иначе в работу упрягу, не погляжу, что воскресенье. Разбаловалась!

Кланька прикусила язык. Разъярится батя, хряснет вдругорядь кулаком, и не то что в лес – на улицу не отпустит. Ох, крут нравом!

Глава 2

По грибы вышли раным-рано, когда село не проснулось. Кланьке мнилось, что избы тоже спят, смежив веки-ставни. Пастух ещё не выгонял медлительных крутобоких коров на луг. От реки поднимался туман, похожий на дым, мокрая трава холодила босые ступни. На Марфуше были надеты новенькие лапоточки с чулками до колен, Варя с Кланькой шли босиком, их заду-белые ступни привыкли к острым камешкам. Подолы сарафанов замокрели.

Молочная пелена скрадывала шаги, приглушала звуки. Девочки шли молча, не решаясь потревожить это необыкновенное безмолвие. Кланька скосила глаза на сестёр: Марфуша прижималась к Варе, стискивала её руку. Над головой встrepенулась и затенькала ранняя птичка.

Земляники на увале и правда оказалось много. Красными рябинами проглядывала она сквозь росистую траву и резные листья.

Варя ахнула, сорвала со стебелька ягоду, шершавую от зёрнышек, и отправила в рот.

– Третьего дня чуточку бочок покраснел, а нынче совсем спелая. Какая сла-адкая!

Первые ягоды глухо стучали о берестяное дно туеска. В другое время не прогнать бы Кланьку с увала. Сейчас все мысли были о заимке, будто кто-то несильно, но настырно тянул её за пояс, она нетерпеливо переступала с ноги на ногу.

– А ты чего не собираешь? Не хочешь? – удивилась Варя.

Кланька поморщилась:

– Бросьте вы эту землянику! Одно баловство, в аккурат для малых. Мы же по грибы хотели.

– Маманя велела и земляники набрать, – напомнила сестра.

Она уговаривала побыть на поляне хотя бы часик, а после вместе отправиться в рощицу, где, по слухам, уже появились подберёзовики. Кланька не соглашалась.

– Навязались на мою шею! – зашипела она. – С вами токмо время терять. Одна пойду. К обеду сюда ворочусь, дождитесь меня, ладно? – И припустила бегом, не дожидаясь Вариного согласия.

В спину долетело жалобное: «Мамка не велела одной ходить! Кланя, стой!» Та лишь прибавила прыти и замедлила шаг, когда совсем выдохлась.

Кланька поёжилась. Здесь, в лесу, было прохладно и сумрачно, в носу щекотало от терпкого запаха прелых листьев, хвои и волглой земли. Всё больше встречалось сосен. Под одной она заметила целый выводок маслят с глянцевыми коричневыми шляпками, но не сняла с плеча привязанное за верёвочку лукошко: сейчас ей не до грибов.

Путь преградил заросший жалицей овраг, он разрубал лес длинной, глубокой впадиной. Ребята обычно обходили его по утопанной тропе: нет охотников рвать штаны и сарафаны о коряги и чесаться от ожогов крапивы! И Кланька так же бы сделала, кабы не спешила. Она, придерживаясь обеими руками за поваленное дерево, осторожно начала спускаться в яму.

Внизу пахло сыростью и гнилью. Кланька пискнула – крапива больно ужалила её – и тотчас угодила босой ногой во что-то осклизлое, противное. Целый рой мух взвился над головой, должно быть, на мертвечину наткнулась Кланька.

– Фу, падаль! – взвизгнула она. Пригляделась и увидела в мураве не трупик зайца или лесной птицы, как сперва подумала, а чёрные перья и зубчатый кочетинный гребень. Верно, лиса петуха из села утащила и растерзала в яме.

Кланька выбралась из оврага. Брезгливо морщась, долго шаркала ступнями о траву. Солнце поднималось всё выше, тени на прогалинах становились резче. С каждым шагом решимость Кланьки таяла. Идёт к ведьме, сама, по своей воле, а маманя говорила, чтобы бегом бежала от Агафьи и ни словечком с ней не перебрасывалась. Ой, узнает мать, наябедничает отцу, и тот, запальчивый, с тяжёлой рукой, оторвёт Клавке голову и на гумне закопает.

Она остановилась и едва не повернула обратно. Тропа впереди влилась в широкую просеку, запахло самоварным дымком, между соснами замаячила жёлтая крыша избышки. Поздно бежать, коль уже пришла.

Недалеко от дома на привязи паслись козы – котная серая коза с козлом. Заметив чужачку, они подняли головы и перестали жевать. Кланька обогнула рогатых, поднялась на крыльцо и потянула за скобу дверь. Та открылась, заблеяв по-козлиному.

В передней избе хозяйки не оказалось. Кланька окликнула Агафью – молчок, не отозвалась. Видать, ушла куда-то.

– Вот и ладно, что никого. Я токмо на минуточку... Погляжу одним глазком – и на увал к Варьке и Марфушке побегу.

Ничего не скажешь, обжила хозяйка дом, украсила. Угловик поставила, да не с иконами – с посудой, на стол расстелила столешник с широкой каймой. А полы-то, батюшки, деревянные, а не земляные, как у всех в селе. Кланька из любопытства заглянула в куть, отделённую дощатой переборкой, и увидела низкий топчан с лоскутным покрывалом и кухонную утварь, развешанную по стенам. Дотронулась до самовара, ойкнула – горячий!

Она прошла в горницу, полюбовалась кроватью с башенкой подушек и большущим окнованным жестью сундуком, запёртым на замок.

Самым интересным местом в доме был, конечно же, чердак, подловка, как его называли. Обыкновенно хозяйки выносили под крышу кадушки, корыта и всякую рухлядь, никто в селе на подловке не жил. Чердак Кланька приберегла напоследок, как лакомство. Она пробралась наверх, ступая по лестнице на цыпочках, и очутилась в просторной комнате со скошенным потолком. Свет вольготно лился из круглого окна, рисовал на полу решётку теней от рамы. Кланька не увидела ни пузырьков, ни пучков трав по стенам, ни тем более змей. Там стояла деревянная кровать, стол, разлапистый светец с воткнутой лучиной – вот и всё убранство.

Грохнула внизу дверь, видно ветром её хлестнуло, затарахтела сорока. В избе или за окном застрекотала – Кланька не разобрала. Она вытянула шею и прислушалась. Нехорошо, если её застанет на чердаке тётка Агафья. Нельзя заходить в избу, когда хозяев нет. Клики, и если никто не отзывается, то поворачивай назад, не тревожь покой чужого дома, а она это неписаное правило нарушила, наплевала на приличия. Только подумала, как услышала:

– Это кто в моей избе хозяйничает?!

«Возвернулась Агафья, услышала, что я на подловке», – поняла Кланька и торопливо сбежала по ступенькам.

– Это я, тётенька Агаша. Ты меня давеча в гости звала, помнишь?

Агафья обрадовалась:

– А-а, Клавдийка! Помню, помню, звала. Не беспамятная. А в светёлку ты на кой полезла?

– Думала, ты там сидишь, – покривила душой Кланька и с робостью подняла глаза на Агафью: не сердится ли?

Та не сердилась. сновала по избе, доставала из поставца маковые бублики, мятные жамки³ и плошку с мёдом.

– Сколько тебе лет-вёсен? Поди, осьмнадцатый? – Агафья прошлась взглядом по Кланьке сверху вниз, точно хотела узнать, как много в ней живого веса.

– Четырнадцать. На Ильин день пятнадцать будет.

³ Жамки – пряники, испечённые без форм и пряничных досок.

– Видная девка, справная, – одобрила она. – Грамоте знаешь?

Кланька, в отличие от совсем неграмотных тятки с мамкой, умела кое-как читать и царапать буквы.

– Знаю. Дьячок при церкви по Псалтырю учил.

Хлопотливая и приветливая, с повязанной шёлковым платком головой, Агафья казалась обыкновенной деревенской бабой. Кланька подумала с толикой разочарования, что слухи про ведьму раздуты. Какая она ведьма? Гордячка, богатая, вот и завидуют. Языки-то без костей. И глаза у неё не острые, колючие, как раньше, а потептели. И лицо уже не жёсткое, угловатое и сердитое, со складкой между чёрных бровей – размякло.

Кланька перекрестилась перед едой, чтобы не подавиться, – маманя сказывала, если этого не сделать, то непременно подавишься, – и отхлебнула чай. Заваренный на травах, он был сладковатым даже без мёда.

Агафья не молчала, расспрашивала про мать с отцом и сестёр. Кланька спохватилась: Варя с Марфуткой давно ожидают её на земляничной поляне, но уйти без гадания не могла. Она пила чай, деликатно откусывала маленькие кусочки от пряника и не знала, как завести разговор о главном, ради чего прибежала на заимку.

– Вижу, нетерпячка у тебя зудит, – засмеялась Агафья. – Сейчас, сейчас погадаю.

Она убрала посуду, сдёрнула со стола белый столешник и расстелила чёрную скатерть. Из деревянной шкатулки достала завернутую в чёрный же платок колоду карт.

– Судьбу свою узнать хочешь? – спросила хозяйка, бережно перемешивая карты.

– Хочу знать, посватается ли ко мне Гришка Балакирев.

– Люб он тебе?

– Люб. – Кланька зарумянилась, вспомнив нахальные и такие красивые Гришкины глаза. Встанет у ворот, а мимо девки утицами плывут, смотрят на Гришку из-под ресниц. К любой посватается – никто не откажет.

– И ладно. Узнаем сейчас, прилетит ли голубок в твою горницу... Тридцать шесть братьев и сестриц, бесов и бесовиц, мне всю правду расскажите, все тайны покажите. Да будет так! – шептала Агафья и выкладывала карты одну за другой на чёрную скатерть.

Кланька впиалась глазами в белую, ненагруженную руку с серебряным перстнем-печаткой на безымянном пальце. На печати проглядывала ломаная линия в круге.

– Карты говорят, что любой парень, какой приглянется, твоим будет, – подняла глаза Агафья.

– И Гришка Балакирев?

– Любой, кого пожелаешь, хочь барин. Деньги будут, жизнь сытая, достаток. За барского сына тебя просватаем, хочешь?

– На кой мне барин? А вот Гришку бы...

– Пригожий парень, хочь и не шибко толст.

Голова пошла кругом у Кланьки, кровь ударила в лицо. Будто издалека слышала она голос Агафьи:

– До старой старости доживёшь, все тебя уважать будут и бояться. Свысока на других глядеть будешь.

– За что же меня бояться?

Агафья вместо ответа аккуратно смешала карты, собрала их в колоду и вложила в Кланькину руку.

– Ну, чуешь что-нибудь?

– Ничего не чую... Ой, кольнуло ладонь!

– Вот и ладно, вот и ладно, – заворковала Агафья и зашлась мелким смехом: – Это они тебя на скус пробуют, скусная ты ай нет. Приняли тебя карты-то!

Кланьке хотелось понять, что это означает, однако ведьма объяснять не стала.

– Ступай домой. После приходи, покажу тебе кое-что интересное.

Конечно, Кланька придёт. Обманет маманю, ускользнёт как-нибудь из дома.

– А грибы-то я не собрала! – спохватилась она. Столько времени в лесу пропадала – и явится с пустом, без единого гриба и ягодки.

Агафья успокоила: не беда. Покажет, мол, местечко, там грибов хоть косою коси. Она проводила Кланьку до просеки и махнула рукой:

– Во-он туда ступай, шагов пятьдесят, не боле, и всё увидишь.

– Спасибо, тётя Агафья.

Кланька шла и считала шаги, загибая пальцы, – пять раз по десять: с арифметикой у неё не ладилось. Через пятьдесят шагов открылась ей чудесная полянка. Солнце свободно гуляло между редкими соснами, ноги мягко утопали во мху. Сколько Кланька ходила в лес, а этого места припомнить не могла. Из зелёного ковра то тут то здесь торчали золотисто-коричневые шляпки белых грибов. Жадными руками Кланька ворошила мох, выковыривала боровики с пузатыми ножками, растущие целыми семействами. Шагу ступить нельзя было, чтобы не раздавить гриб. Через несколько минут лукошко с горкой заполнилось отборными, крупными грибами.

Кланька посмотрела на солнце, с сожалением вздохнула: «Быстро времечко пролетело, дома, небось, пообедали» – и ускорила шаг.

С увала Варя и Марфуша ушли. Видно, ждали-ждали, проголодались и убрели домой. Кланьке ничего не оставалось, как передохнуть чуток и идти в село.

В избе уже отобедали, со стола убрали. Отец притулился у окна и ковырял шилом хомут, зажав его коленями. Повернул голову на скрип двери и проворчал:

– А, заявила старшая... Сестёр бросила!

– Оне сами не захотели со мной, ягоду собирали. Ты глянь лучше, тятя, какие грибы. Белые! – похвалилась Кланька и с гордостью поставила лукошко на скамью, заваленную обрезками кожи.

– Что врёшь, какие белые? Не время им, рано.

Отец отложил хомут, взял в руки боровик. Недоверчиво колупнул треснутым ногтем шляпку, понюхал.

– И правда белые... А Евсей баял – нету покуда. Где взяла?

– За увалом. Я, тять, шла, шла и набрела на полянку. Грибов на ней – пропасть!

– Добрые грибы. С яишенкой их – объеденье! Или барыне из Лощины продать. Говорят, она хорошо платит.

Лощиной называли деревеньку с помещичьей усадьбой в трёх вёрстах от села.

Кланька выдохнула: не будут её ругать за то, что бросила сестёр. Она взахлёб рассказывала про грибное местечко и осеклась, когда батя между прочим обронил:

– С утречка пойдём, покажешь поляну. Побалуемся часик.

Делать нечего, повела Кланька отца в лес – и не нашла того грибного места, как ни старалась. Батя досадливо качал головой, уговаривал хорошенько подумать и припомнить.

– Куда сворачивала после оврага, направо или налево?

– Никуда не сворачивала, тятенька, прямо шла.

Он плюнул, уселся на траву, раскурил самокрутку.

– Знать, лешаиха тебе подарочек сделала. Угодила ты ей.

Глава 3

На заимку Кланька прибегала редко. Днём взрослые находили ей работу и в поле, и в избе, и на дворе, а вечером идти через лес она трусила: баяли, что мужики видели волков, а кто-то из охотников напал на медвежий след.

У Агафьи на столе всегда посвистывал самовар, когда бы Кланька ни пришла в гости, на большом блюде лежал пахнувший анисом пеклеванный хлеб, пряники и баранки. Хозяйка угощала чаем с вареньем и мёдом, дарила пяточки на орешки и ленты в косу. Домой Кланька возвращалась с грибами, да такими крупными, что отец чесал в затылке: «Эх, пятнай тебя! Лешак нашу Клавку любит!»

Лешак был, конечно, ни при чём. Агафья, провожая молоденькую гостью, толковала:

– Пойдёшь по тропе, повернёшь налево – и будут тебе грибы.

Кланька слушалась и приносила в село полное лукошко рыжиков.

«И чем я ей приглянулась?» – удивлялась она и как-то спросила, осмелев:

– Тётя Агаша, у нас бают – ты ведьма.

– Ты меня боишься?

Кланька помотала головой:

– Не боюсь, ты ко мне добрая. В гости зовёшь, привечаешь, грибные места показываешь.

Тятя говорит – леший меня любит.

– По нраву ты мне, оттого и привечаю.

Кланька зарделась от удовольствия. Вот вам, ведьма людей не любит, а её, девчонку, выделяет.

В селе готовились к сенокосу, ждали, когда распогодится. Отовсюду слышался стук да звон – это мужики отбивали косы, чтобы те резали траву как бритва и долго не тупились.

Косили сообща, всем селом, только Агафью среди баб Кланька не увидела. Нашла, небось, в лесу лужайку, припасла уже разнотравья для своих коз. Поперёк луга растянулись косари – мужики, парни, бабы, девки. Кланька, наряженная в лучшую одежду, как на праздник, шла рядом с матерью и словно нехотя замахивалась косой, а трава сама падала к ногам зелёными волнами. Остро и свежо пахло кошениной.

Девки зубоскалили с Гришкой:

– Эй, работничек, до пирогов охотничек! Береги пятки!

Тот отшучивался, озорно блестя глазами. Останавливался, вытаскивал оселок и точил косу.

– Гришенька, мне наточи, – сейчас же подлетала какая-нибудь девка.

– Дедко Евсей всем точит, – кивал он на шалаш, возле которого примостился старик с кринкой воды и брусом.

– У тебя так ловко выходит, коса как бритва, – льстила девица.

Гришка довольно усмехался, забирал литовку и бренчал оселком по лезвию.

Кланька исподлобья смотрела на это непотребство, будто вертушки отбивали у неё наречённого жениха. А что, разве не так, ведь карты поведали, что Балакирев будет её мужем.

– Вертихвостки... А он тоже хорош, изменщик... – процедила она, бросила работу и потрогала пальцем лезвие косы, действительно уже не такое острое.

– Гриша, и мне наточи.

Тот, надуваясь от важности, взял литовку. Пока он возил брусом по жалю косы, Кланька разглядывала не таясь его нежное, как у девушки, лицо с едва пробивающимися усиками и русый чуб из-под загнутых полей гречневика⁴, украшенного ради праздника лентой.

⁴ Гречневик – высокая валяная шляпа.

– Держи, теперь вострая.

Забирая у Гришки косу, Кланька дотронулась до его руки, будто не нарочно, и засмеялась. Он фыркнул, как жеребец.

– Сём-ка⁵, поросль молодая, задерживаете! – раздался за спиной звонкий бабий голос. – После играть будете.

Она, радёшенькая, что их с Гришкой связали в пару, замахала косой с удвоенным старанием и сказала нараспев:

– Коси, коса, пока роса! Роса долой, и мы домой!

Солнце выпило всю росу, но в село, конечно же, никто не ушёл. Кошенину ворошили граблями, чтобы жаркие лучи и ветер высушили её, сгребали в валы. Бабы наладились стряпать в котле кулеш с салом. Сытный запах варева дразнил, напоминал о том, что скоро будет отдых и обед.

– Уморилась, поди? – спросила мать.

У Кланьки давно отяжелели руки. Она ответила, что нисколько не устала: пусть Гришка с будущей свекровью, тёткой Натальей, видят, какая она усердная работница.

Косари расселись возле шалашей тесными кружками. Черпали из котелков горячий кулеш, каждый подставлял под деревянную ложку ломоть хлеба, чтобы не запачкать праздничную одежду. Нерасторопная Кланька не успела пристроиться рядом с Балакиревым, её опередила прыткая Лиза Свешникова, маленькая, Гришке по плечо, в цветастом шёлковом платке, низко надвинутом на лоб, чтобы уберечь лицо от загара. Белкой скакнула она к шалашу, протиснулась между парнями и расположилась рядом с Кланькиным женихом, бесстыдница. Раскраснелась, глаза так и полыхали.

Лиза притворялась, что не дотянется до утиральника с разложенной снедью, и просила Балакирева: «Гришенька, подай яичко», «Гришенька, дай кусочек пирога с кашей... Вот спасибо, кавалер!» Ластилась к нему, будто других парней нет. Вон их сколько: и Федя, и Савва, и Мишка, и Коля... А Никита какой пригожий! Не-ет, ни на кого не смотрит, ей, распутнице, чужого жениха подавай.

Гришка нырнул в шалаш и вернулся с балалайкой.

– Жарь, паря! Давай плясовую! – крикнул Никита и первым поднялся с примятой травы. Одёрнул рубашку, глянул чёртом и прошёлся вприсядку, выбивая каблуками комья земли.

Гришка рвал струны, балалайка звенела под одобрительные возгласы мужиков и баб.

– Эхма! Кабы скинуть мне двадцать годов, уж показала бы я, как плясать надо! – озорно воскликнула Кланькина мамка.

– Тебя и сейчас, Дарья Миколаевна, никто не перепляшет.

– Лиза Свешникова хорошая плясунья. Лизонька, пройдишь!

Та не заставила себя упрашивать, оправила сарафан и не пошла – поплыла, не приминая, казалось, травы и мягко поводя руками. А сама не отрывала от Гришки глаз из-под опущенных ресниц. Смотреть на это не хватало сил.

– Мамань, я ногу занозила, болит... – пожаловалась Кланька. – Домой пойду, согласишь?

– Ступай, работников и без тебя хватает. Дёгтем намажь. Дёготь, он любую занозу вытянет.

Морщась и прихрамывая для вида, Кланька поплелась в село. Когда стихли звуки балалайки и луг с косарями остался далеко позади, она круто свернула в лес и побежала на заимку.

⁵ Сём-ка – ну-ка.

Дверь избушки была приоткрыта ради сквознячка, значит, хозяйка дома или отошла недалеко по какой-нибудь надобности. Покидая избу надолго, ведьма всегда навешивала замок.

Кланька вошла без стука, как своя, огляделась: Агафьи в избе нет, крышка подпола откинута. Не иначе, там под корытом ноги хозяйки с мягким местом лежат, как маманя рассказывала.

– Тётенька Агаша!

В ответ – тишина, ни звука. Кланька на цыпочках приблизилась к прорубу, боясь увидеть на земляном полу торчащие ноги без всего остального, но узрела лишь крутую лестницу и мешок картошки. Должно быть, корыто лежало дальше, в густой темноте подпола.

Брякнула щеколда в сенцах. Хозяйка вошла в переднюю, поставила на скамью ведро воды: на ключ, видно, ходила.

– Клавдийка! Прибежала-таки! А сказывала, что не сможешь в сенокос... Ты бы от подпола отошла, упасть долго ли.

– Маманя говорит, что ты в сороку превращаешься, а ноги под корытом лежат. Я подглядеть хотела, – призналась Кланька.

Агафья затряслась от смеха:

– Брешут люди. Не знают ничего толком, вот и выдумывают. А ты, стрекоза-егоза, зачем прилетела?

Кланька вылила свою великую печаль: подлая Лизка Свешникова думает увести жениха. Другие девки тоже не промах, а Лизка – змея. Бельмами голубыми парней околдовывает.

– Погадай, тётя Агаша, на Гришеньку.

– Гадала уже. Карты не любят, когда их без надобности тревожат, – посуровела ведьма. Посмотрела на поникшую Кланьку и оттаяла: – Не думай ничего, твоим сокол будет. Да и любой парень, на которого глаз загорится, никто от тебя не уйдёт. На что тебе этот Балакирев? Видала я его... хлипкий, ветром качает. Ты-то девка справная.

– Экая важность! Были бы кости...

– Ладно. Вижу, спокою тебе не будет. Сейчас покажу кой-чего.

Тётка Агафья зажгла свечу и велела Кланьке долго смотреть на вытянутый огонёк. Подтолкнула к глиняной миске с водой.

– Закрой глаза... теперь открой. Что видишь?

Кланька ничего не видела, лишь замершее перед взором красное пятнышко, похожее на лепесток, и уже открыла рот, чтобы сказать об этом, как различила в воде мужской силуэт. Это был Балакирев. Сбоку – вылитый. Нос, лоб, подбородок – точно Гришкины. Плечи шире стали, вот тебе и «ветром качает». Он сидел за столом и что-то говорил, губы его шевелились. Разглядела Кланька и себя с рогачом у печи, небось, собиралась накормить своего Гришеньку наваристыми шами.

– Себя вижу и Гришку. За столом сидит, обедает, – прошептала Кланька. Низко наклонилась над чашей, пытаясь рассмотреть всё до мелочей, и случайно задела миску. Вода качнулась, видение утонуло в ней. Сколько бы Кланька ни таращила глаза, больше никого в отражении не увидела.

– Ну вот, довольная? – хитро улыбнулась Агафья.

– Ишшо какая довольная!

И всё же не думать о Лизке Свешниковой у Кланьки не получалось. А ну как соперница сейчас подолом перед Гришкой взмётывает, куда невеста на заимке сидит?

– Чего опять брови свела?

– Тётя Агаша, ты можешь Лизку известить? – собралась она с духом.

– Известить? – поперхнулась хозяйка и спросила совсем как тогда про курицу: – А тебе не жалко её?

– Да я, тётушка, не жалостливая. Маманя моя чуть что – слёзы льёт, убивается, а я не такая. Она говорит – я не в её родовой пошла.

– Брось, не ревнуй. Ты красивше. Лизка супротив тебя, что воробей против сороки. На Гришку все девки заглядываются, мне полсела известить? Не хмурься, на-ко пряничка поешь.

Кланька засобиралась домой. Как бы маманя не вернулась с сенокоса раньше! Она думает, что с перевязанной ногой дочка ковыляет, а её как ветром сдуло.

Одним махом добежала Кланька до села. Дома, к счастью, никого не оказалось. Она нашла под крыльцом мазницуб⁶ с дёгтем, замарала ступню и замотала тряпицей.

Совсем уже затемно появились родители с сёстрами. Отец нёс Марфушу на руках, ласково щекотал её бородой и бормотал: «Умаялась, попрыгунья, грабелями траву ворошила. Ну, спи, спи...»

– Не болит нога? – озабоченно спросила маманя, когда увидела Кланьку.

– Ужо не болит.

– Вот, я же толкую: дёготь – верное средство. Варя, ставь самовар, сейчас за стол сядем.

Душу Кланьки переполняли радость и спокойствие. Она не шугнула, по обыкновению, кошку, а взяла её на руки и приласкала. Грезилось ей отражение в воде – она и Гришка, сидящие за столом, как муж и жена.

– Кланя, – потянула за подол Марфуша. Дома она окончательно проснулась, будто и не дремала на руках у отца.

Кланька поморщилась. Уж и помечтать не дают, мешают.

– Ну чего тебе?

Малая показала лыковую мочалку.

– Пелесину пошибче потереть – отойдёт?

– Это не грязь, дурочка.

– А с мылом?

– Попробуй, – усмехнулась Кланька.

Сестрёнка забилась в угол между бревенчатой стеной и сундуком и затаилась там, покуда маманя не позвала к столу.

– Где-ка ты, баловница?

Та засопела, выбралась из укрытия. Мать взглянула и вскрикнула, заголосила: правая щека Марфуши кровоточила, разодранная мочалом. Сестрёнка захныкала, мать с причитаниями умывала её у рукомойника.

– Кто тебя надоумил, горе ты моё?

– Никто-о... сама-а...

Поздним вечером, когда младшие сёстры уснули, Кланька подслушала разговор родителей. В избе было тихо и темно, только лучина горела в кухне.

– Илья, – долетел шёпот, – дозвожь мне отвести Марфушу к Агафье. Ты же не слепой, видишь... Девка всё ж таки.

Что-то грохнуло. Звякнула посуда, и Кланька поняла, что отец ударил по столу кулаком.

– Безбожница! Не смей!

– Тише, тише, детей разбудишь, – плачущим голосом молила мамка.

Тятяка ронял короткие фразы, будто рубил слова топором:

– Домового кормишь. Я молчу. Терплю.

– Полно, какого домового? Для Мурки это молоко.

⁶ Мазница – деревянная или глиняная посуда для дёгтя.

– Терплю, – повторил батя. – Но на заимку— не смей! Не дам! Не дам душу её погубить. Выпорю вожжами. Выпорю, коли поперёк меня пойдёшь.

Маманя всхлипнула. В тишине Кланька слышала, как потрескивает лучина.

– Ить девка же, Илюша...

– У меня ли сердце не болит? Болит! На куски рвётся.

Мать что-то прошептала, и отец ответил уже мягче, спокойнее:

– Бог даст, пропадёт пелесина, когда Марфа подрастёт. А нет, так сыщется тот, кто её и с пятном полюбит.

Кланька лежала не шевелясь, боялась, что скрипнет под ней деревянная кровать. Вот оно как, маманя хотела Марфутку к Агафье вести, думала, что она от пятна на лице избавит. А сумеет ли? Да всё равно теперь, раз тятка запретил. Спросить-то можно за-ради интереса, помогать сестрёнке у неё и мысли не возникло. Велика важность – пелесина! Не слепая, не глухая, руки-ноги на месте.

Потухла лучина. В темноте полз шелестящий шепоток: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...» – это молилась маманя. Кланька смежила веки, и сон сморил её.

Глава 4

В летней горячке Кланьке стало не до Агафьи. Лошади и корове сена ох как много требовалось. Не заготовишь, так зимой околеет скотина от бескормицы. Нагнало тучи, дождик брызнул – сгребай сыроватую траву в копны; распогодилось – снова разваливай, чтобы солнышко её просушило.

Кланька ловко работала граблями, и тётка Наталья по-доброму улыбалась:

– Вот так девка, невеста какая выросла! Ай, право, женю на тебе Гришку.

У невесты пламенели щёки. Войдёт она в дом Балакиревых законной женой, коли Гришкина мать её так любит. Кланька весело переглядывалась с женихом, косилась на Лизку и со злорадством отмечала, как та мрачнеет. То-то же!

Отдыхали лишь по большим церковным праздникам. Отец говорил: «Работа работой, а Богу помолиться тоже надобно» – и вёл всё семейство на церковную службу.

В аккурат на Яблочный Спас в храм заявила ведьма Агафья. Кланька своими глазами видела, как стояла она с решетом яблок в притворе, не молилась и не осеняла себя крестным знаменiem. В церкви, пропахшей яблоками, было не протолкнуться, но бабы всё же приметили Агафью, заволновались, зашушукались: «На кой притащилась? Богомерзкие дела творить в светлый праздник, как пить дать!» Кланьке мнилось, что ведьма смотрит ей в затылок, и от этого волоски на коже вставали дыбом.

«Чепуха! Эвон сколько народу, где тут увидишь», – хорохорилась она, а сама боялась, что после литургии Агафья подойдёт и спросит при матери, а главное – при отце: «Чего не прибегаешь в гости, Клавдийка, ай зазналась?»

Ничего этого, по счастью, не случилось. После службы народ высыпал на церковный двор. Отец Тихон кропил святой водой сложенные на столе яблоки и груши в туюсах и корзинах.

Кланька с опаской высматривала Агафью. Та, необыкновенно улыбчивая, угощала яблоками чужую бабу с младенцем на руках, видать пришедшую к кому-то в гости на праздник. Свои не приняли бы подношения, побоялись, а незнакомка перекрестилась и взяла. Отец Тихон рокотал басом: «С праздником вас! С Преображением Господним!» – и махал кропилом. Прихожане жмурились от капель воды и не замечали, как ведьма обхаживает молодуху, а Кланька встrevать не собиралась.

Тётка Агафья тянулась к ребёночку, метилась поцеловать, тот прятал лицо на материнской груди и ревел. Кланька обмерла: в руках у ведьмы блеснуло лезвие ножа. Или это было кольцо?

Бабы засуетились у стола, разбирали корзины с яблоками, угощали друг друга. Тётку Агафью заслонила пёстрая толпа, а когда отхлынула, ведьма куда-то подевалась. Верно, убралась к себе на заимку.

Мамка достала из корзины три краснобоких яблока, ещё мокрых от святой воды, и раздала Кланьке и сёстрам:

– Кушайте на здоровье, детки!

На столе распевал самовар. В избе повсюду лежали не обрезки кожи, из которых батя шил конскую упряжь, а яблоки: на подоконниках, на печи, на скамье, на полу в корзинах. Вчера отец с матерью натрясли плодов, сёстры собирали их и глотали слюнки. Ах, как пахли яблоки, так и хотелось вонзить зубы в сладкую мякоть! До заутрени – ни боже мой, нельзя, особенно мамкам, у которых детишки на кладбище лежат. Иначе на том свете ребяткам яблочками не пола-

комиться. У Кланьки два братика спали мёртвым сном под могильными холмиками. Боженька всех парнишек забрал, одних девок оставил.

Марфуша хрустела яблоками, откусывала сразу от двух, жадюга, пальцы слипались у неё от сладкого сока. Пирог маманя испекла с яблоками, и взвар приготовила из яблок и груш, и оладьи нажарила с яблочным припёком, и в блины положила яблочную начинку. Теперь ешь – не хочу.

Приплелась в гости, опираясь на батог, Кланькина бабушка. Её усадили в красный угол под образа, дали большой кусок пирога из серёдки, помягче.

Прежде Кланька могла сидеть за самоваром и два и три часа, пить чашку за чашкой, с мёдом и мамкиными пирогами, а теперь её подмывало улизнуть из-за стола – и бегом на заимку. Сегодня хоть до поздней ночи гуляй, никто не хватится. Когда ещё такой случай повторится? За окном раздавались балалаечные трели и девичий смех.

– Я на улицу, мамань, – поднялась Кланька.

Мать с улыбкой кивнула:

– Иди, гуляй, покуда праздник... Да погоди-ка!

Она отошла к сундуку и вытащила из его объёмистого нутра свёрток, а из свёртка – сапожки на каблучках, бережно протёрла краем запона короткие голенища.

– Свадебные... Надень-ка, в аккурат должны быть. Нога-то у тебя почти как моя.

Раньше мамка даже примерить сапожки не разрешала, а теперь расщедрилась. Кланька быстро обтёрла ладонями ступни, натянула сапожки, завязала шнурки и осторожно прошлась по земляному полу, будто по гвоздям.

– Не жмут?

Она ответила, что не жмут, хотя ногам, не знавшим обуви, кроме лаптей и валенок, было непривычно и тесно.

– Невеста, красавица! – заклохтала бабушка.

Мамка сунула Кланьке корзину яблок – угощать подруг.

– Уродились сладкие какие, крупные. Раздавай, не жалея. Так заведено... Да каблучки не сбей смотри, не попортить!

Кланька загадывала, что до заимки долетит махом в новых-то сапожках, да просчиталась. Ходить на каблучках оказалось не так легко, ногу приходилось ставить аккуратно, точно в танце. Пяткой землю не потопчешь. Эдак она и к ночи не вернётся! Кланька сняла сапожки, связала узелком шнурки и повесила на шею, как это делали странники.

У Агафьиной избы высился штабель сосновых остроганных брёвен, строить что-то задумала хозяйка.

Кланька взбежала на крыльцо:

– Ты дома, тётя Агаша?

– Дома, дома, – отозвалась ведьма, – заходи, Клавдийка. Пришла меня проведать?

– Всё недосуг, едва вырвалась. Мамке сказала, что на гулянье иду. Она раздобрилась и сапожки свои дала.

– Сапожки дала? А ты босиком бегаешь, обувку на шее таскаешь, – рассмеялась Агафья.

– Ноге узко с непривычки.

Кланька поставила корзину яблок на белую скатерть.

– Гостинца тебе принесла. Кушай на здоровье!

– Из церкви? Святой водой окроплённые? – прищурилась Агафья.

– Нет, из дома.

– Смотри! А то с энтих, церковных, пучить меня будет, как жабу болотную.

Кланька удивилась. Ведьмы, понятное дело, всего церковного на дух не выносят, да ведь тётка Агафья в храме была, в притворе стояла, и не пучит её.

– Нужда заставила, Клавдийка, – вздохнула хозяйка. – Нemoшь одолевает, яблочко молодильное мне надобно. Видишь, как я постарела?

– Ты как мамка моя. Иль чуть старее, – польстила Кланька, но и сама увидела, что Агафья права: в её волосах появились белые прядки, от носа к губам залегли глубокие морщины, пальцы подрагивали.

Ведьма криво усмехнулась:

– Молодуха я, говоришь? Это из-за яблочек молодильных. А лет-вёсен мне ой как много!

– А что за яблочки молодильные, из сказки?

Кланька готова была поверить, что где-нибудь в глухой чаще растёт яблоня с золотыми плодами и серебряной листвой, и никто не знает туда дорогу, кроме ведьмы. Ходит она с корзиной за яблоками и ест их, когда захочет, а не после Преображения.

– Нет, Клавдийка, не из сказки – из жизни. – Агафья пристально посмотрела на Кланьку, проникла в самые зеницы ока, и у той холодок по спине побежал. – Сумеешь меня выручить?

– К-как выручить?

Хозяйка приобняла её и жарко зашептала в самое ухо:

– Ноне не вышло, девчонка больно крикливая попалась, ревунья. Матка её что-то поняла, сразу шасть – и за ворота. Приведи мне, Клавдийка, девчонку махонькую.

– Ты её съешь? – расширила глаза Кланька.

– Что ты мелешь? Ничего с ней не станется. Квёлой будет день-два, а у меня силы прибавятся, пяток годов с плеч долой. Ну, есть у тебя на примете такая девчонка?

Маленькие девчонки в их небольшом селе имелись, как без них, и в помещицкой усадьбе тоже, только не уведёшь никого со двора. За каждым ребёночком если не мать с бабкой, так старшие братья-сёстры приглядывают. Берут с собой малых на улицу, на закорках таскают. Кланька Варю так нянчила и знала, что за любой недогляд мать с отцом накажут. Поранится дитя – нянька виновата, шишку на лоб посадит – нянька хворостины получит.

– Не знаю... Трудно это, – пробормотала она.

– Ты уж поусердствуй. Не бойся, девчонка не вспомнит ничего, ни одна живая душа не узнает. Я не поскуплюсь, отблагодарю, у меня полон сундук всякого добра. Хочешь монисто, серёжки золотые?

Кланька нахмурила широкие брови. И монисто, и серёжки ей хотелось, да только не покрасоваться в них, не пофорсить. Мать заметит, удивится: «Откуда это у тебя?» – и не скажешь, что на дороге нашла. Одну серёжку баба может потерять, но не две. Монисто – тем более. Тяжёлое оно, расстегнётся, упадёт – сразу почувешь. А вот кабы бы сокровенное желание тётка Агафья исполнила...

Та оказалась догадливой.

– Ай тебе не мёртвое золото, а живого кого надобно? – И рассмеялась.

– Не сумею я, – пробормотала Кланька и робко посмотрела на ведьму: не рассердилась ли?

Агафья как будто не рассердилась. Махнула рукой: «И ладно, не к спеху» – и заговорила о другом. О том, что хочет строить баню, уже брёвна привезла.

– Да ты, должно быть, сама видала, эвон куча под окном. Будет баня хорошая, просторная. Негоже мне в печи мыться.

– Тётя Агаша, а ты родимое пятно свести можешь? – припомнила Кланька.

– Это кому?

– Да я просто так спросила, из интереса.

– Видала я возле тебя белявую девчонку с пятном. Сродница? – спросила ведьма.

– Сестра родная.

– Я догадалась. Сестра, кто же ещё, ежели ты за неё хлопочешь.

– Не хлопочу. Велика важность – пятно! – фыркнула Кланька и всё выложила. И то, как Марфуша лыковой мочалкой щёку в кровь разодрала, и то, о чём отец с матерью ночью разговаривали.

Агафья поднесла блюдо с ломтями хлеба и кусочками тонко порезанного нежно-розового сала с мясными прожилками.

– Угощайся, Клавдийка.

Кланька сглотнула слюну.

– Так пост, нельзя скоромное. Бог накажет.

– Чудная девка! – хохотнула ведьма. – Сало в пост нельзя, а гадать можно, полсела порешить за-ради кучерявого чуба – опять же греха нет.

Подковырнула ведьма! Кланька поджала губы, покосилась на блюдо. В самом деле, чего это она? На заимку к Агафье бегают и Бога не боится, а тут сало какое-то! Она взяла хлеб, положила сверху несколько ломтиков скоромного угощения и стала есть.

Хозяйке это поглянулось, она одобрительно кивнула.

– И ладно... Хочешь, научу тебя на картах гадать?

– Гадать? Взаправду, как ты? – поперхнулась Кланька, торопливо дожевала хлеб, отряхнула ладони.

Пока она гремела глиняным носиком рукомойника, с тщанием намыливала руки, как велели, хозяйка сменила скатерть на чёрную и достала шкатулку.

– Садись, Клавдийка. С картами надобно обращаться бережно, уважительно. Не кидать, не бросать. В чёрную ткань заворачивать. Помни, что через них тебе бесы отвечают.

У Кланьки дыхание перехватило. Она-то думала – забава, картинки занятные, а тётка Агафья была серьёзна, карты перемешивала с благоговением.

– Тридцать шесть братьев и сестриц, бесов и бесовиц... Мне всю правду расскажите... Карты не врут, надобно их понимать.

Ведьма толковала, какая карта что означает, а Кланька старалась всё хорошенько запомнить. Дорога, слёзы, прибыль, хлопоты, свидания, разговор... Она подняла глаза и вскрикнула от испуга: за спиной тётки Агафьи ухмылялся рогатый чёрт. Кланька и нос пяточком разглядела, и копыта, и смоляную шерсть – ну самый натуральный чёрт, как на картинках рисуют.

Она зажмурилась, а когда открыла глаза, никого подле ведьмы уже не было.

– Ты чего испугалась? – удивилась Агафья.

– Почудилось страшное... – пролепетала Кланька. – Пойду я, тётя Агаша, не то маманя хватится.

Хозяйка собрала карты, завернула в чёрный платок.

– Завтра приходи, дальше учить буду.

Кланька не ответила. Не придёт она. Не забава это, коль черти мерещиться начали.

Тётка Агафья правильно расценила молчание и сказала, убирая шкатулку в поставец:

– Довольно наводить тень на плетень, Клавдийка. Мне девка вроде тебя нужна, чтобы грамоте знала. Надобно её науке колдовской обучить, чтоб умела всё, что я умею. И когда придёт моё время помирать, передать силу, знания и чёрную книгу. Хочешь ты этого, Клавдийка?

Кланька потупила взор. Учиться ведьмовской грамоте она и не помышляла. Тогда отец отлущует кнутом так, что она долго на лавку присесть не сможет, или вовсе из дома выгонит. Слухи по селу пойдут, тётка Наталья, конечно, огородит Гришку от невесты с душком.

– Не сумею я, – прошептала она.

– Не сумеешь, ино не приходи ко мне. Бесталанная девка мне не требуется, – сурово ответила Агафья. Она впервые так резко заговорила с Кланькой, и та съёжилась.

– Меня тятка приберёт, из дома выгонит.

Агафья разочарованно протянула:

– Ну-у, Клавдийка... Волков бояться – в лес не ходить. Кто тебе дороже: тятка или Гришка Балакирев? Без меня тебе его не заполучить. И полгода не пройдёт, как повенчается он с Лизой Свешниковой, она его суженая, а не ты.

– Ты же баяла, что Гриша моим будет, – решила возразить Кланька.

– Верно. Ежель я тебе подсоблю. А без меня пойдёт под венец Гришенька с Лизой.

– Обманываешь, ты меня обманываешь! – Кланька вскочила со скамьи, бросилась в сени.

...Уже возле дома она опамятовалась, что забыла у ведьмы сапожки и корзину. Про плетуху мамка, пожалуй, и не вспомнит, потому что такого добра у неё много, а вот про обувку спросит непременно. Да что сапожки! Сравнить с тем, что ведьма сказала, – пустяк, чепуховина. Неужто и правда женится Гришка на Лизе, а Кланьку побоку?

– Врёт, всё врёт... Поглядим ишшо!

Её охватила злая, отчаянная весёлость, такая, что захотелось разом и хохотать, и рыдать.

По большаку вдоль села, взявшись за руки, ходили с песнями разряженные девки, и Варя среди них. Парни держались на расстоянии, смеялись, лузгали семечки. В весёлой толпе Кланька не увидела ни Лизы, ни Гришки. Дома остались или убежали от своих товаров и друзей и сейчас жадно целуются за амбаром. Она ясно представила обнимающуюся пару и заплакала от бессилия.

Варя позвала:

– Кланя, иди к нам!

– Да пропади ты пропадом! – прошипела та. По счастью, её не услышали.

Кланька проскользнула в дом.

Марфуша умаялась и спала на печи, взрослые праздно посиживали за самоваром и разговаривали. Мамка разливала чай, резала второй сладкий яблочный пирог.

– До темноты гуляла бы, покуда молодая, – пожурела Кланьку бабушка. – Товарки-то твои, слышно, песни поют. Бабой станешь – уже не погуляешь.

– Сапожки давай сюда, в сундук спрячу, – вытерла руки маманя. – Где они?

Кланька опустила голову, уставилась на босые грязные ноги.

– Чего молчишь?

– Нету... потеряла.

– Ты обманываешь, что ли, Клава? – не поверила мамка. – Как можно обувку с ног потерять? Иль ты снимала её?

– Снимала, идти не могла, неловко, – обречённо вздохнула Кланька. – На шее оне висели, а после... не знаю, куда делись.

– Как это не знаешь? Как не знаешь? Ты где-ка была, вспомни. В каком месте сняла?

Где была, она не призналась бы и под пытками.

– У околицы сняла.

– И оставила? – вклинилась бабушка.

– Не помню...

Маманя всплеснула руками:

– Теперь не найдёшь, нет! Чужие в селе, заберут – не охнут. Новёхонькие сапожки!

– Будет тебе причитать, – оборвал отец. – Давно бы уже сходили к околице и поискали.

– Я утром поищу, – подняла глаза Кланька.

– Утром! Утром уж искать будет нечего. Сейчас иди, поищи хорошенько. – Мать вернулась к столу, пригубила чай. – Ох-ох, в кого такая растяпа пошла? Не в мою родовую.

– В мою, хочешь сказать? – громыхнул батя.

Кланька тихо вышла за дверь. На улице смеркалось. Скоро чернота накроет и село, и всё вокруг. А в лесу-то волки рыщут, видели их. Страшно! Она едва не повернула обратно, взялась за скобу... и опустила руки. Сознаться, что бегала на заимку, было страшнее во сто крат. Отец такого греха не простит, особенно в церковный праздник. Кланька зажмурилась и в мыслях

увидела багрового от ярости отца, как закричит он: «На заимку?! К ведьмачке?!» – и запустит чем-нибудь тяжёлым. Тут уж уворачиваться только успевай.

Она горестно вздохнула и поплелась к околице. Послониалась часок по большаку, послушала, как поют-заливаются девки, и вернулась домой.

– Не нашла сапожки, мамань, темнотища уже. Утречком поищу.

Та досадой отмахнулась:

– Да разве найдёшь? Новые ноги уже у сапожек.

Наутро Кланька поднялась вместе с матерью, которая на рассвете выгоняла в стадо корову, и побежала на заимку. Дорогой думала: «Кабы не было дома тётки Агафьи! Зайду потихоньку, заберу обувку». Встречаться с ведьмой ей совсем не хотелось.

Хозяйки дома и правда не оказалось, только вот избу она закрыла на замок. Кланька прилипла к окну, вгляделась – никого.

– Потом спрошу, как в лавку придёт, – решила она. Но знала уже, что подойти к Агафье не посмеет.

Глава 5

– Смекай, баба, про капусту, Воздвижение пришло, – говорила мамка и выпаривала в бане бочки и кадушки с можжевельновыми ветками.

Отец рубил скрипучие белые кочаны, самые тугие и крепкие откладывал на засолку. На лавках и у печки была свалена капуста, как недавно яблоки.

Пришла родня – отцова сестра, её взрослая замужняя дочь, бабушка – и закипела работа пополам с весельем. Марфуша сдирала верхние листья и бросала в лохань для коровы, бабы стучали в деревянных корытцах сечками, шутили, травили байки и пели песни.

Бабушка мяла с солью капустное крошево, пока оно не становилось податливо-мягким, и звала мать:

– Дальше ты сама, Дарьюшка. Ты мастерица капусту солить.

Маманя укладывала разрубленные пополам кочаны в бочку, сыпала сверху капустное крошево, прибавляла морковь и свёклу, порезанную соломкой, затем придавливала новыми половинками вилок. Набитую бочку прикрывала деревянным кружком и пригнетала камнями.

– Чтобы кисла, да не перекисла! – улыбалась мать.

– Будь, капустка, бела да хрустка, чтоб дом был полон, стол богат, – подхватывала золовка.

Кланька, хлебнувшая вместе со всеми браги, с удовольствием думала о капустной вечёрке и ждала её с нетерпением. Набегут подружки и парни, будут угощаться чаем с горячими капустными пирогами, танцевать и петь. Должно быть, и Гришка Балакирев придёт. В прошлом году приходил, тогда-то Кланька и положила на него глаз.

Песня про соловушку в зелёном саду летала по избе под перестук сечек, взвивалась под потолок, искала простора. Никто не услышал, как стукнула дверь и через порог шагнула... Агафья.

– Здравствуйте вам! – громко поздоровалась она.

Песня оборвалась. Бабушка охнула, маманя уронила в корыто сечку, занесла руку, всю в капустном крошеве, хотела, верно, осенить себя крестным знаменiem.

Страх подпрыгнул к Кланькиному сердцу. По её душу заявила ведьма, другого быть и не могло.

– Мне нужен шорник, – сказала Агафья, – он дома?

Мамка опомнилась, прошмыгнула в горницу, где подальше от баб шил упряжь отец, и что-то зашептала.

«Не выйдет, – тревожно мелькнуло в голове у Кланьки, – он такой, тятка». Батя всё же вышел, мрачный, губы в нитку, и довольно невежливо спросил:

– Чего надобно? Я шорник.

Агафья не отвела взгляд. Оказывается, ей понадобилась конская упряжь. Зачем? Ведь лошади у ведьмы не имелось. На неё, на Кланьку, хотела поглядеть, а про упряжь для вида приплела.

Тятка вышел с Агафьей в сени. Не хватило у него духу отказать: хомут, уздечка, недоузок, шлея, вожжи и всё остальное стоит недёшево, а деньги всегда нужны.

Тихо стало в передней. Бабушка вздыхала и творила молитву, мать переглядывалась с золовкой и всё месила и месила белую капустную стружку. Марфутка кривила рот, собираясь разреветься. Не поняла, глупая, почему взрослые примолкли, но тревогу почувствовала.

– Мам... – позвала она.

– Ш-ш-ш! Нишкни!

Работа возобновилась, когда вернулся отец, снова робко затюкали сечки.

Кланька заглянула к нему в горницу:

– Тять, а зачем тётка Агафья приходила?

– Тебе-то какое дело? Купила для лошади всё, что требуется, и ушла.

– А у неё и лошадь есть?

– Знамо есть, у ворот стояла.

Отлегло от сердца у Кланьки. Она подосадовала, что не вышла на крыльцо.

– Тётка Агафья ничего не спрашивала?

– Я с ведьмой лясы точить ещё буду? – вспыхнул тятька и отправил Кланьку рубить капусту.

Мало-помалу волнение улеглось, быстрее замелькали руки, бойчее застучали сечки.

– Принесла же нелёгкая, – покачала головой мать. – Давайте ещё песню сыграем, бабоньки да девоньки, успеем потосковать. Варятка, начинай!

Звонкий голос Вари вспорхнул под самую матицу, песню подхватили остальные.

*Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролежала мать Камышенка-река;
Как с собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зелёные луга.*

В печи томилась корчага шей, стол ломился от угощений: рассыпчатой варёной картошки, солёных грибов, ватрушек, блинов и, конечно же, капустных пирогов. Они получились у мамки пышные, румяные, с поджаристой масляной корочкой.

Вместе с сумерками пришли гости, во дворе слышались оживлённые голоса и смех.

– Кланя, идут, идут! – метнулась от окна Варя.

– Ой, я же ишшо не одета!

Кланька кинулась переодеваться. Из сундука достала праздничный сарафан, поверх него надела короткий шугай, вплела в косу красную ленту. Жаль, сапожки не вызволила у Агафьи, сейчас бы обулась и павой прошлась по земляному неровному полу.

В избе точно стало светлее от блеска бисера на девичьих венцах, серёг и бус; пёстро и нарядно сделалось от ярких сарафанов.

Кланька отыскала глазами Гришку, и сердчишко трепыхнулось. И прежде он был хорош, а в белой косоворотке, расшитой красными и золотыми нитками, стал ещё милее. Рядом с ним на скамье лепилась Лиза Свешникова, смущённая, улыбочиво-счастливая. И она, и Гришка сияли, как новенькие монетки-серебрушки. У Кланьки заняло в груди от дурного предчувствия.

– Жених и невеста! – закричали подруги. – Кланя, ты ещё не слыхала? Ведь просватали Лизу за Гришу. Глянь, сидят парочкой, ровно голубки.

– Просватали? А как же...

Пол зашатался под ногами, свет померк. В голове звенело: «Без меня тебе его не заполучить. На другой год повенчается он с Лизой Свешниковой, она его суженая, а не ты».

Кланьку придавило горем. Веселье вокруг, смех и шутки её не трогали, капустный пирог вяз в зубах, сладкий грушевый взвар отдавал горечью. Не видела она подруг и парней, никого не замечала, кроме глуповатых от счастья жениха и невесты, державшихся за руки.

– Песню сыграем, подруженьки? – вскочила она и звенящим голосом затянула печальное:

*Говорила я другу милому,
Говорила я, слёзно плакала...*

Смотрела Кланька только на Гришку и его одного увещевала:

*Не женись ты, мил сердешный друг,
Ах ты милый мой сердешный друг...*

За столом стали шушукаться и переглядываться. Отец свёл брови, маманя опустила руку на его плечо, успокаивая, и через силу рассмеялась:

– Сём-ка, Кланя, тоски-печали нам на беседе не надобно. Неужто повеселее песен нет? Поди-ка лучше в сенцы, принеси жбан браги. Гляди, у гостей кружки пустые.

Стоило Кланьке выйти за дверь, как за спиной послышались торопливые шаги. Она обернулась и в тающем вечернем свете из окна в сенях увидела мать.

– От позору тебя спровадила, негоже так перед людьми-то открываться. Ты всё по Гришке, чай, вздыхаешь?

– Да-а-а... – всхлипнула Кланька.

– Он тебе обещался?

– Не-е... Тётка Наталья баяла, что на мне Гришку женит, а сама...

– Ну, ну, полно, голубонька, нашла об ком страдать. Шаматон⁷ этот Балакирев, Лизка ещё с ним набедуется. Что мне соха, была бы балалайка! Парни-то эвон какие красивые и работающие есть и у нас, и в Петровке, и в Покровке. Никитка глаз с тебя не сводит. А этот что? Токо на балалайке бренчать. Лучше б его на войскую взяли, лягушатников бить.

Маманя гладила Кланьку по голове, как маленькую, вытирала ушком платка слёзы.

– Посватался к другой, и пуцай. Поди умойся, не показывай этому шаматону слёз.

Скрипнула дверь, маманя ушла. Кланька вняла совету и умылась у бочки с холодной дождевой водой. Послушала, как поют в доме плясовую песню и уловила среди голосов рокоток отца. Сердито вытерла рукавом шугая лицо.

– Будет вам веселье! Такое веселье – наплачетесь!

Зайти в избу и снова увидеть сияющих Гришку с Лизой было нестерпимо. Тётка Агафья тоже хороша: сперва приманила Балакиревым, а потом как ушат холодной воды на голову вылила. Скажи она правду, Кланька поплакала бы да и вышибла клин клином. Никита на неё заглядывается, это так. Но она за столько месяцев сроднилась, живьём срослась с мыслью о Гришке, и отступить от него уже не могла.

– На всё пойду, не сверну. Моим будет, – сузила глаза Кланька и, притопнув, затянула:

*По сеничкам ходила я, гуляла,
Гришеньку будила, кликала:
«Поди, Гриша, ночевать ко мне;
У меня, вишь, дома нет никого,
Мой батюшка в Ярославль-город,
Моя матушка у тётушки в гостях,
А сестрицы в посиделочках сидят.
Мои братцы, вишь, малёшеньки,
Малёшеньки и глупёшеньки оне,
Только лягут спать – не проснутся,
Хоть проснутся – не дознаются,*

⁷ Шаматон – пустой человек, гуляка.

*Дознаются – не умеют, как сказать».
На дворе уже смеркается,
Солнце за лес закатается.*

В песне милого друга завали Ваней, и Кланьке было мстительно-приятно менять имя, как будто она столбила рядом с Гришкой место.

Дни у Кланьки потекли один тоскливее другого. От Свешниковых с девичников прибежала Варя – она водила дружбу с младшей Лизиной сестрой – и рассказывала, теперь уже в подробностях, как пропивали на сватовстве невесту, какую кладку⁸ за неё запросил старик Свешников, кто будет дружкой жениха, сколько подвод нарядят для свадебного поезда.

Кланька морщилась, изнывая от ревности:

– Не хочу знать, молчи.

– Ты же сама спрашиваешь, – удивлялась сестра.

– Пропади оне пропадом! Богатую кладку затребовал, как за царевну какую. И тёлку, и шубу, и сапоги, и деньги. А за что? Тоща как моща, ростом с аршин.

В рябое от капель окно молотил дождь. Низкие серые тучи, казалось, задевали боками печные трубы изб по ту сторону дороги. Тоска... Кланька вздыхала и бралась за веретено.

Несколько дней назад, ещё до ненастья, она бегала на заимку. Дорогой мысленно умоляла тётку Агафью посидеть дома, не уходить никуда по делам. Та и верно оказалась во дворе. Одета в дорогой сарафан с пуговичками от шеи до подола, она запрягала гнедую кобылу в новую лёгкую телегу.

– А-а, стрекоза-егоза прилетела! – обрадовалась ведьма. – Одумалась? Толковая девка от такого подарка, что я предлагаю, не откажется.

Кланьке стало неловко.

– Я, тётя Агаша, сапожки свои у тебя позабыла.

– Так ты за-ради обуви пришла?

– Не токмо за-ради обуви, – опустила голову Кланька. – Лизку просватали за Гришу Балакирева. Свадьба скоро.

Тётка Агафья торжествующе улыбнулась, её тёмные глаза блеснули.

– А я тебе разве не так сказывала?

– Ты можешь сделать, чтобы он не женился на Лизке? – мучительно покраснела Кланька.

Хозяйка подтянула чересседельник, поправила хомут, седёлку, похлопала лошадь по раздвоенному заду.

– Свадьбу расстроить я могу, Клавдийка. Плати денежки, и Гришеньке твоему опротивеет невеста, сам от неё откажется. Аль ещё что случится.

– Платить? – растерялась Кланька, захлопала ресницами. – А много ли надоть?

Агафья посмотрела с прищуром и назвала цену, довольно высокую. Да хоть бы и меньше сказала, и полтины у Кланьки не водилось. Она насупилась. То ласкова с ней хозяйка, ленты и бусы задарма суёт, а то вот такая – надменная, гордая, на кривой козе не подъедешь, как говаривала мать. Небось потому, что одна дерзкая девчонка не пожелала колдовскому ремеслу учиться.

– Я задарма ворожить не стану, не положено у нас, – объяснила Агафья. – Бесов уважить надобно, петушка им чёрного поднести, заколоть и кровь в землю вылить. Любят они кровь петушиную. На всё деньги требуются.

⁸ Кладка – выкуп за невесту.

Кланька вспомнила, как наступила в овраге на падаль, и содрогнулась от омерзения. Не лиса, значит, кочета утащила, ворожея бесам подношение делала.

– У меня нет денежек, – пробормотала она и, робея, посмотрела ведьме в глаза: – Ты баяла, девчонку махонькую тебе желательно. Я приведу, есть у меня на примете.

– Есть? Ну дак приводи, за плату сойдёт, – кивнула Агафья. – Сделаю всё, что просишь. А девчонку, так и быть, потом. Я верю тебе, ты не обманешь.

Она принесла из избы сапожки, великодушно предложила подвезти Кланьку до села. Та испуганно отказалась: заметят бабы – греха не оберёшься, и добиралась на своих двоих.

– Где ты сапоги отыскала? – всплеснула руками мать.

Кланька, огорчённая ведьминым равнодушием, не успела придумать никакого мало-мальски правдоподобного объяснения и брякнула то, что в голову заскочило:

– Там... на жердине висели, на околице.

– Да как же? Не было их там. Неужто у кого-то совесть разыграла, вернули обувку? – Маманя бережно протёрла сапожки краем запона, завернула в рушник и убрала в сундук.

Кланька принялась ждать. День прошёл, второй и третий.

– Ну, что там у Свешниковых? – с надеждой спрашивала она Варю.

– Песни играли... Лизе платье подвенечное шьют, красивое, с кружевами!

Кланька нетерпеливо перебивала:

– Да ты не это мне рассказывай. Не ругаются жених с невестой?

– С чего им ругаться? – изумлялась сестра. – Чай по любви женятся. Воркуют, как голубь с голубкой.

«Голубь с голубкой». От таких слов хотелось плакать. Обманула ведьма, эдак до самой свадьбы можно сидеть и ждать, когда Гришка с Лизой поцапаются, – и не дожидаться.

И вдруг – случилось, и совсем не так, как думалось Кланьке. Не опостылела невеста жениху, она загуляла.

Началось с того, что приехал к Балакиревым сродник из города. Парень как с картинки, одет по моде: в жилетку с золотыми пуговицами, шляпу и блестящие сапоги. Гришка привёл его к Свешниковым.

Лизка взглянула на гостя, и от такого великолепия у неё зашёл ум за разум, как мать её говорила: «Дочку нечистый попутал». Она глаз не сводила с Гришкиного сродника, аж дырки прожгла на бархатной жилетке, улыбалась ему, а про жениха и не вспоминала. Тот сидел как на иголках, красный, опозоренный.

Что после случилось, Кланьке доподлинно известно не было, только Балакиревы вскоре от греха подальше отправили сродника обратно в город, чтобы не смущал неокрепшие девичьи умы.

И дня не прошло, как Свешниковым вымазали ворота дёгтем, что испокон веков считалось несмываемым позором. Лизкины родители не знали, куда деваться от срама.

– Ежели девка на себя парней цепляет, как сучка блох, что с ей будет, когда бабой станет? Шлёнда!⁹ – кричала тётка Наталья у подворья Свешниковых.

Лизкина мать, которая в это время пыталась отчистить ворота от дёгтя, не осталась в долгу:

– А твой-то, твой шаматон по сю пору за девками ухлёстывает! Жени-их! И гостя нарочно притащил! Все вы, Балакиревы, дурного роду-племени!

– Ой-ой, понесла-а! Ежель мы дурного роду, пошто сватов назад не поворотили? Лизка твоя гулящая, а мой Гришка виноват? От вас, Свешниковых, один срам! – Тётка Наталья, не сдержавшись, плюнула на ворота.

Она прибежала к Кланькиной матери и певуче жаловалась:

⁹ Шлёнда – гулящая.

– Толковала энтому дураку, что к Лыткиным сватов посылать надобно. Хоть твою Клавку взять, хоть Варьку – обе гладкие, ровные, как кобылицы.

– Что ты, Варе одиннадцать вот толечко сравнялось! – всплёскивала руками мамка.

– И пушай себе растёт! – разрешала тётка Наталья. – Старшая у тебя в девках долго не засидится.

Кланька, мела ли она пол или делала какую другую работу, краснела и удваивала старания.

Мамка задумывалась:

– Вот корова принесёт тёлочку, продадим её, а деньги на приданое и свадьбу пойдут. Постель приготовить, перину, подушки, одеяла... Ить три дочери у меня.

Вскоре в дом Лыткиных нагрянули сваты, словно их приманили разговоры о свадьбе. Мать с отцом встретили гостей настороженно, сидели за столом с каменными лицами и не скрывали недовольства. И дело было не в том, что приданое Кланьке ещё не огоревали: жених-то крепостной! Семья оказалась зажиточной, на оброке: отец жениха Тимофея держал в Лощине лавку, только делу это не помогло.

– Нет уж, не обессудьте. За крепостного дочку не отдадим.

Сваты говорили, что барин не против Тимофея освободить и к свадьбе он будет вольным.

– Вот как будет вольным, тогда и приходите, – отрезал отец.

Едва за сватами закрылась дверь, маманя не выдержала, дала волю возмущению:

– Где такое видано, чтобы крепостной вольную сватал? Али наша Клавка вековуха, непетое волосё?

– То-то и оно. Помещик разрешил, они и пришли. Барам выгода – лишняя крепостная душа, – сказал отец и зыркнул на Кланьку: – Когда с женихом снюхалась?

Кланька, дрожащая от волнения и страха, ответила, что парня видела всего раз, да и то издали, а разговаривать с ним и не разговаривала.

– Смотри у меня! – на всякий случай пригрозил батька.

Он ещё долго хмурился и бубнил: «Нет, каково! Выкупят они... Врут, черти. Сына выкупят, а Клавка крепостной до гроба сиди».

...Кланька слукавила: жениха она знала и в лицо, и по имени – видела в Лощине, когда ходила продавать грибы барыне, даже разговаривала с ним.

Отец наказывал помещице в глаза не смотреть, если вдруг Кланьку пригласят в покои, называть сударыней и на «вы», ни в коем случае не тыкать. Все наставления оказались излишними: в покои её не позвали. Опрятно одетая баба, по виду ключница, прищурилась: «Ты чья?» – выслушала Кланьку, забрала корзину и скрылась в господском доме.

Ждала она довольно долго. Успела вдоволь насмотреться на рабатики с кудреватыми яркими цветами, подивиться на резные беседки и фруктовый сад за решёткой.

Вернулась ключница с пустой корзиной и деньгами. Барыня оказалась щедрой и заплатила даже больше, чем надеялась Кланька. На радостях она свернула к лавчонке с гостеприимно распахнутой дверью. Там, за прилавком, она и увидела Тимофея в умопомрачительно красивой рубашке. Чем-то он походил на милого Гришку Балакирева, разве что в плечах шире, потому и задержала на нём Кланька любопытный взгляд.

– Чего желаете-с? – расплылся в улыбке Тимофей. – Пряники свежие, бублики, изюм, чернослив-с, цареградские рожки.

Говорил он красиво, пышно и прибавлял то и дело к словам коротенькое «с», что считалось высшим шиком. Это сразило Кланьку окончательно. Она попросила пряник петушком, с облитым сусальным золотом гребнем. Тимофей прибавил щепоть изюма, бублик, и денег за это не взял. Как было не улыбнуться ему и не сказать «спасибочко»?

Хорошо, что маманя с тятёй отказали сватам. Ей, вольной, закрепоститься ради мужа, под барам ходить! Чуть что не так – в рыло. Чуть что не так – пощёчина. Нет уж, увольте!

Если бы знал отец, что дальше стрясётся с Кланькой, отдал бы её и за крепостного.

Глава 6

К Кланькиному превеликому удовольствию, свадьба у Балакиревых и Свешниковых строилась. Всё сложилось так, что лучше не придумать. Лиза тихо исчезла из села: её с «кузовом», как обронила маманя, выдали замуж за вдовца из дальней деревни, чтобы скрыть позор. Старшие Балакиревы и Свешниковы не здоровались, морду отворотят – и мимо, а младшие дразнились и мутузили друг дружку.

Соперница теперь жила далеко, а Кланька – через три дома от Гришки. Умириться бы ей, а не удавалось: камнем давил уговор привести Агафье обещанное «молодильное яблочко». Обманула ведь, не было у неё на примете ни мальчишки, ни девчонки.

Раза два или три Кланька замечала Агафью, шагающую из лавчонки с плетёной корзиной, и пряталась. А ну как нагрянет она в избу и скажет: «Платить, мерзавка, когда будешь? Я задарма не ворожу. Або деньги, або молодильное яблочко». Ведьма, к счастью, проходила мимо, даже не глядела на дом Лыткиных.

Кланька перебирала в голове всех маленьких девчонок, каких знала. И эту увести не выйдет, и ту не получится, про третью и думать нечего. А вот попытать счастья и сманить, посулив пряник, Дуняшу, дочку пьяницы Осипа, – можно. Она, родившаяся в нищей семье, и куску хлеба будет рада. Беда в том, что не дойдёт Дуняша до заимки, придётся тащить её на закорках. Хорошо ещё, что стоит теплынь, как весной, снегом и не пахнет, хотя по календарю уже наступил Покров.

Вечером Кланька выпросила разрешение сходить в лес по грибы.

– Сходи уж, побалуйся, – сразу отпустила мать, – лешачиха вон какие тебе подношения делает. Грибы приносишь – одно загляденье. Погоды-то какие стоят, сроду такого не припомню. Снег ляжет – всё, не побалуешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.